

НИКИТА ЧИРКОВ

A line of five stone statues, possibly representing the 'First Sons' mentioned in the title, stands in a snowy, desolate landscape. The statues are made of dark, textured stone and are arranged in a receding line from left to right. The background is a dark, starry sky with a bright light source on the right, creating a dramatic, high-contrast scene. The overall mood is somber and epic.

ВНОВЬ
Первые сыны

ВНОВЬ

Никита Чирков

ВНОВЬ: первые сыны

«Автор»

2024

Чирков Н. В.

Вновь: первые сыны / Н. В. Чирков — «Автор», 2024 — (Вновь)

Проиграв в битве за человечество, находясь в изгнании, Алви и Изабелла оказываются у Буревестника — спрятанного во льдах старого научного комплекса. Из последних сил они ищут там не только убежище, но и шанс отомстить ложному мессии, виновному в гибели цивилизации. Преодолевая конфликт интересов, учась доверять друг другу, Изабелла и Алви обнаруживают на Буревестнике группу ученых из пяти человек. Оказалось, они были изолированы от внешнего мира на целый год и работали над секретными проектами от тайного заказчика, не зная о произошедшем в мире инциденте. Но все вышло из-под контроля. Неведомая сила вмешалась в работу Буревестника, вынудив ввести карантин. Времени мало, переменных много, доверия нет... Итог этого дня непредсказуем.

© Чирков Н. В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1	5
2	8
3	10
Сводка 1	13
4	14
5	16
6	19
7	22
Сводка 2	25
8	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Никита Чирков

Вновь: первые сыны

1

Ни возраст, ни сложный жизненный путь не смогли заглушить умение Алви видеть красоту в простоте, порой чарующую настолько, насколько легко забывается контекст мимолетного созерцания. И вот сейчас он с удовольствием наблюдает столкновение золотых лучей светила с огненными волосами прекрасной девушки, чьи глаза созерцают плавный закат. Изабелла не просто так насыщается солнечным светом: вот-вот случится сильнейший контраст – закат приведет всепоглощающую тридцатидневную ночь. Это необычное место недалеко от северного полюса, дарующее раз в год ощутить гостю уникальную ценность координат солнечной системы ИМБ, – место столь глубинное в мироздании, сколь отсутствует здесь самый малый намек на простое наличие звезд. Не имея спутников или телескопов, человечество так и не узнало бы, что во мраке Вселенной есть другие светила, планеты и остальные объекты. Это еще одна причина, почему Алви разрешает себе забыть, запоминая удивительную красоту Изабеллы, специально держа транспорт повыше, доверяя автопилоту не меньше, чем своим глазам. Внизу лучи красиво растянулись объятием по ледяной корке с множеством неровностей, создавая игривый танец блестящего снега, окончившийся за мгновение до наступления долгой ночи.

Небольшой космолет без опознавательных знаков сделал пару кругов вокруг места, чье таинство стало одной из главных причин объединения Алви и Изабеллы. Это пятидесятиметровое каменное строение если и напоминает свое природное происхождение, то лишь с сильным оттенком ужаса. Вертикальная стена идет кругом, оканчиваясь наверху выпирающими скосами, прячущими за собой плоскую поверхность. Ни единого элемента развитой науки, ни следов пребывания человека – лишь черный камень без заметных следов обработки. Изабелла безуспешно мучила сканеры, пока Алви не нашел место посадки. Вопросов проникновения больше не было – на той стороне, где последние лучи прощались с этим странным местом, обнаружился небольшой проход.

– На улице минус сорок пять. Ветра сейчас почти нет. Сплошной лед. Воздух сильно разряжен. Идти сто восемь метров – немного, но лучше возьмем по баллону кислорода. – Алви говорил это не только Изабелле, но и сам себе, формируя заключение по мере поступления данных от компьютера. Взглянув на Изабеллу, он встретил недовольный взгляд. – Что?

– Плохо спала. Десять часов полета – часов пять глубокого сна. Первым делом, если там все хорошо, поем и усну на сутки. – Она осмотрела его с ног до головы. – А ты, я вижу, хорошо отдохнул, бодр и свеж. Значит, пойдешь первым.

Алви нравился ее характер – вдумчивость, воспитанность и смелость придавали ее мягкой красоте таинственной глубины сокрытого потенциала. Изабелла умела проявлять сильный характер одним лишь взглядом, плавно перетекающим в красивую работу мысли. Он вдвойне был рад тому, что она все же согласилась сюда с ним полететь, потому что, сделав первый шаг наружу, внезапно познал давно забытый трепещущий страх перед грядущим.

Идти было непросто: помимо давящей черноты, скрывающей за собой буквально все и вся, сам контакт с поверхностью льда разрешал верить в полет – он был идеально ровный и гладкий, лишь редкие неровности возвращали понимание сопротивления движению. Оба были в специальных больших очках, столь же оберегающих зрение и часть лица, сколь упрощая обзор окружения через выводимую цифровую карту с расстоянием и прочими показателями. Отключение интерфейса открывало возможность созерцать всеобъемлющую черноту космоса,

знакомя с имитацией потери визуального доказательства материального мира. Все это странное знакомство с мирозданием окончилось на середине пути – противоположность заявила о своих правах ярко и без предупреждения: свет ударил в лица прямо из прохода, вытолкнув перед ними тьму, рассеяв ее влияние. Стоило бы насторожиться, но бдительность между светом и тьмой скромна на подступе к самой причине этого явно вызревающего для точного времени проявления внимания со стороны Буревестника. Избавив Изабеллу и себя от лишних мыслей и рассуждений, Алви последовал упрямству, вновь зашагал вперед, готовый к любому исходу.

За возросшим любопытством крылся вызов этому исключительному заявлению воли света во владениях лика Вселенной. Но на встречном пути отсутствовало хоть что-то выходящее за рамки уже объявленной позиции. Лишь на своеобразном пороге Алви четко увидел не только истинное направление света, но и тот проход, изрыгающий силу обычного осветительного прибора. Пока Изабелла поглядывала наверх, запрокинув голову, охватывая пятидесятиметровую высоту стены, достаточно большой, чтобы с обычной позиции не видеть ее плавного изгиба, Алви подметил все особенности уродливого входа: фрагменты бетона валяются внизу, толстая арматура выгнута наружу рваными кусками. Завороженная видом величественного сооружения без признака человеческого труда, Изабелла всерьез ощущала свою незначительность под нависающим Буревестником, будто бы она предстала перед отделяющей жизнь и смерть стеной. Алви не стал отвлекать ее, он даже не думал о ней, лишь медленно отогнул куски арматуры, чтобы облегчить и без того трудное проникновение через тесную уродливую рану Буревестника.

Помимо этой «раны» была лишь одна дверь напротив, но ведущая не на улицу, а вглубь этого необъятного для простого человека строения. Сама комната примерно шесть на шесть метров представляла собой в некотором смысле разочаровывающий примитив: двухместная кровать, встроенный шкаф, длинный стол у стены и подвесное оборудование у другой стены. Половина помещения засыпана снегом, который детально подсвечивала та самая лампа, встретившая их на подступе. «Рана» располагалась в центре, справа от нее в дальнем углу, рядом со шкафом и стоял большой прожектор на штативе, целью которого было дать этому месту свет. Слева у дальней стены была кровать, перед которой стоял человек в толстой красной куртке с накинутым капюшоном. А слева от кровати закрытые жалюзи, прямо напротив которых была стена со множеством надписей. Кровать перестала нести службу, отныне это могила для дорожного этому незнакомцу человека: насыпанный снег аккуратно утрамбовывался маленькой лопатой, создавая сверху ровную горизонтальную поверхность. Столешница стала боковой опорой для снега и тела за ним, как раз подпирая кровать к стене.

– Что ты там закапываешь? – Вопрос Изабеллы удивил даже Алви. Сама она после протискивания через «рану» открыто выражала свое недовольство и желание сократить любое промедление. Оба они сняли очки и дыхательные маски, чуть осваиваясь, пока незнакомец, все держа лопату в руках, неспешно разворачиваясь, стал их разглядывать. Это был молодой мужчина лет двадцати пяти, с небольшой козлиной бородкой и длинными, свисающими до шеи темными волосами. Он смотрел на них внимательно, напряженный, скованный тяжелой для сердца трагедией.

– Не что – кого, – ответил он не сразу.

– Похоже... – Изабелла подошли ближе, но держала безопасное расстояние. – Похоже, она была дорога тебе.

– Больше, чем она знала. Чем знали все.

– Понимаю. – Изабелла умела красиво манипулировать чувствами, тонко пронизывая их своим строгим и давящим характером. – Ее смерть связана с той дырой в стене?

– Да.

– Снаружи никого не видели.

– Оно и не там. Холод сам по себе преграда.

Изабелла и Алви переглянулись, напряжение стало усиливаться.

– Что здесь случилось? – спросил Алви строго, что никак не отразилось на незнакомце.

– Вы немного опоздали. – Незнакомец взял стул и почти упал на него с заметной усталостью. На стене, слева от двери, все было исписано формулами и разными вычислениями, среди которых он искал что-то важное.

– Как тебя зовут?

– Ковак.

– И что ты здесь делаешь?

Он сказала так, будто бы и не слышал вопроса.

– Дайте мне пару минут, и мы пойдем.

Они не хотели его торопить или провоцировать, переглядываясь, заключали нужду аккуратного подхода в вопросах сотрудничества с этим Коваком, чьи тяжелые слова и мысли лишь усложняли понимание происходящего.

– Еще утром мы бы вас встретили по всем традициям и правилам. Год ждать пересменку – целое празднество. Но теперь не рассчитывайте на удачу, вы ее уже израсходовали, опоздав часов на десять. Хотя, может, вам и повезло... повезло пропустить самое главное. Надеюсь, у вас есть оружие.

2

Просыпаясь в теплой кровати, Анна еще до открытия глаз ощутила отсутствие рядом Ковака, привыкнуть к чему до сих пор не получалось, ибо слишком часто за последний месяц он уделял время своему проекту чуть больше, чем ей. Она открыла глаза, сразу же по направлению к той стене, которую Ковак исписал формулами и вычислениями, постоянно что-то стирая и переписывая, играя в этакую игру с самим собой. И вот сейчас, прямо под лучами восхода, он сидел на стуле перед стеной, сосредоточенно разглядывая разрозненную головоломку.

– Сегодня наш последний день, – заговорила Анна спокойно, продолжая лежать на кровати, – уже чувствую, как буду скучать по этому.

Ковак посмотрел на нее с понимающей улыбкой.

– Доброе утро. Не хотел тебя будить.

– Из-за этого ты решил не только створки открыть лишь на треть, а еще и оставить меня одну в кровати. Миленько.

Ковак встал, подошел к ней, поцеловал, после чего нажал на сенсорную панель на стене, чтобы открыть створки большого горизонтального окна, впуская всю яркость восхода над ледяным полотном. Он вернулся к отныне ярко освещенной стене, создавая собой тень над разными вычислениями. Увлеченный своей работой, он не мог не поделиться этим с любимой девушкой.

– Ты ведь знаешь, что мы все – лишь результат случайных мутаций. Некоторые красивее остальных, разумеется.

– Как это мило, спасибо. – Она чуть поднялась до изголовья, дабы удобнее наблюдать за возбужденным Коваком, вновь подмечая, как ей нравится это его озорство процесса мышления.

– Разве наличие постоянной мутации не есть признак стабильности?

– Верно. Но вот вопрос – есть ли система в этой постоянной?

– Думаю, ты бы уже ее заметил.

– В этом и проблема: она есть, и мы просто не умеем ее увидеть, или же ее действительно нет, а наши поиски – лишь артефакт нашего эволюционного пути, жаждущего познания и обуздания.

Встав с кровати, она подошла к нему и нежно обняла со спины, ощущая приятное тепло от света.

– Если хочешь научиться обуздать жизнь, то самое время вспомнить, что вскоре наш контракт закончится, что позволит наконец-то воплотить наши... мутации в... новую мутацию.

Ковак развернулся с улыбкой на лице, обняв ее крепко, смотря прямо в глаза.

– А ведь красиво начала.

– Да, как-то я ушла не туда. Профдеформация сказывается. Короче, уже через несколько часов придет новая смена, а мы вернемся на Опус. Думаю, если мы решим завести ребенка сегодня, то...

– То это будет чудесно.

Он вглядывался в ее черные большие глаза, поглаживая длинные темные волосы.

– Дольше обычного ожидаю твое «но».

– Ты знаешь правила – я знаю правила. Детки-конфетки здесь запрещены.

– Умеешь поддержать.

Ковак крепко обнял ее и поцеловал, сглаживая неприятный момент.

– Но на самом деле я рада, что ты хотя бы пару минут не думал о работе.

– Люблю твою заботу.

– Ну, на самом деле я бы хотела именно сегодня, в последний солнечный день, который еще и наш последний день здесь, зачать близнецов.

– Близнецов?

– Ну да, у меня в семье таких много. Так что шанс велик. А еще будет символично, потому что у нас комната под вторым номером, что очень...

– Серьезно? Это твой символизм, тупо номер комнаты.

– Люблю твое занудство.

– А я рад, что у нас не восьмая, например, а то...

Не дав ему закончить, она поцеловала его, после чего они вернулись в кровать, просто обнимаясь в тепле под одеялом. Они наслаждались тишиной и покоем минут десять, пока она не сказала то, что, казалось, сама искренне хотела, потому что любила слушать его голос:

– Рассказывай, что там у тебя на уме, а то громко думаешь.

– Я научил его бояться холода, – неожиданно тяжело сказала Ковак. – Причем не физически, а психологически. Клетки так запрограммированы, что любая минусовая температура сеет панику, раздражая его спинной мозг, вынуждая страдать так сильно, что нервная система просто не выдерживает. Смерть становится спасением.

– Уверена, звучит это не так ужасно, как есть на самом деле.

– Вынужденное ограничение. Нельзя разрешать бесконтрольное поглощение и деление. Интеграция полезнее замещения.

– Если я не ошибаюсь, то образцы Сироты тем и были, что держали свою территорию при себе.

– Да, но оказалось, что это было искусственно. А раз мы смогли немного обуздать это умение, то... Странное чувство. Ты знаешь его: «я что-то упустил».

– Скажу то, что ты и так знаешь, но из-за профессионализма не позволяешь себе признать: ты имеешь право недоработать, потому что недоработка – это стандарт. Всегда что-то где-то будет не учтено. Не просто же так контракт всего на один год. Новая смена продолжит труд, так же как мы продолжили труд предшественников. И ты когда-то сам говорил, что будешь умнее тех, кто был до нас, потому что надо учиться на чужих ошибках.

– Это я понимаю. Но от чувства привязанности к работе и ее результату отделаться сложнее, чем я думал. А без личного увлечения... этот самый результат был бы не таким... результативным. Надо бы больше книг читать, а то чет я плутаю в словах.

Она посмотрела ему в глаза для убедительности слов.

– Мы с тобой, как и остальные, знаем, что работа наша проектная. Буревестник для этого и удален от остального мира. И это наше преимущество – нашу мутацию ограничили простыми инструментами. Иначе ты, как и я, как и остальные, вряд ли бы покинул это место. Потому что мы все профессионалы, которые любят свою работу.

Ковак смотрит на ее убедительное заботливое внушение и удивляется тому, как же ему повезло с ней: ведь будь он один, то и правда увяз бы в работе настолько, насколько это допускает уже и не мысль, а простая биология. Он погладил ее щеки, поцеловал, обнял так крепко, как будто вот-вот потеряет ее.

– Тебя я люблю больше.

3

Алви уже хотел было подойти к Коваку, который пугающе недвижимо сидел на стуле перед стеной долгих несколько минут, как тот резко поднялся, словно проснулся. Изабелла в это время пыталась закрыть жалюзи, которые затряслись в процессе поднявшегося урагана, запустившего водоворот снега внутри комнаты через проем и вынудившего их скорее покинуть эту западню. Ковак достаточно оперативно среагировал, разблокировав дверь отпечатком руки, и уступчиво пустил их первыми. Если бы не смелые шаги Алви, то вряд ли бы она позволила этому Коваку быть за ее спиной. Весь переход занял меньше минуты. Сначала они видели лишь очередную черноту, потом Ковак запер дверь за собой, сразу же включив фонарик.

Достаточно обширный круговой зал с равномерно расположенными друг от друга дверьми, судя по всему, в аналогичные комнаты, откуда они сюда попали из той, которая исчисляется номером два. В центре был подпирающий трехметровый потолок большой закругленный деревянный шкаф с открытыми полками. Остальное пространство содержало криво расставленные столы и стулья, как будто бы их хаотично засеяли для массивности. Но стоило приглядеться, как на когда-то белой поверхности пола сразу же выделялись обильные размазанные следы крови, объединяющие и поваленные столы, и порой поломанные деревянные стулья. Здесь пахло сыростью, было холодно, тишина давила еще больше, чем молчание Ковака, чей фонарик был единственным источником света, что превращало большую часть пространства в обитель ужаса, наблюдающего за ними с выдержкой хищника. Ковак быстро осмотрелся, пошел направо, к единственной двери, которая отличалась от остальных.

– Стойте тут. Я заблокировал этот уровень, лифт не запустится, пока не починю проводку.

Ковак указал на сорванную рядом со створками крышку: пучок проводов к плате был вырван, контакты повреждены. Он сел на стул, который забрал из своей комнаты, положил фонарик на пол под нужным углом и взялся за восстановление. Все такой же сосредоточенный, напряженный, уставший, он словно и не замечал новичков.

Алви достал из куртки небольшой фонарик.

– А мне почему не дал такой?

Ничего не ответив на ее замечание, Алви обратился к Коваку:

– Здесь безопасно?

– Сейчас да.

– Почему?

– Потому что, будь иначе, я бы так долго похоронами не занимался. Прощание требует времени, знаете ли.

– Значит, угроза там, внизу?

– Пока не наведем порядок, угроза, считай, везде.

Этот ответ был грубым, Ковак явно не хотел продолжать этот допрос, перемалывая очевидное.

– Пойдем, – обратился Алви к Изабелле, – посмотримся немного. Прикроем тебе спину, Ковак.

– Не трогайте кровь голыми руками.

Это была странная смесь смертельного запрета и прямой угрозы. Изабелла и Алви переглянулись, после чего плавно двинулись вдоль комнат. Давящая холодная атмосфера лишь усиливала растерянность от непонимания статуса Буревестника и его персонала, провоцируя быть в граничащем со злостью напряжении, подстегивающем не только инстинкт самосохранения, но и нестандартное мышление, боясь оказаться в ловушке по собственному недосмотру.

Алви шел вдоль комнат, неспешно, подсвечивая створки дверей, панели и будто ища что-то конкретное, потерянное совсем рядом. Изабелла следовала позади, стараясь держаться спиной к стене, чтобы контролировать преобладающую в этом месте бездну, волнующую ее больше, чем многочисленные следы крови и общая разруха.

– Новое сообщение с инструкций еще не приходило? А то сейчас самое время. – Алви развернулся к ней у пятой двери, разочарованно качнул головой в отрицательный ответ. Они стояли почти напротив Ковака.

– А этот твой Зов? – Алви спросил почти шепотом.

– Нет. Мы как улетели с Колыбели, я никого и ничего не слышала. Будто бы самого Зова и не было даже. И это раздражает.

– Я уже начинаю привыкать к неведению.

– Да я про другое. Без Зова я не просто снова чувствую себя... у этого есть маленький и неожиданный побочный эффект в виде блеклости тонов и сильной тревоги.

– Если это так тяжело...

– Я справлюсь! – процедила сквозь зубы Изабелла, все поглядывая по сторонам.

– Хорошо. Я тебе верю.

Изабелла удивилась этим словам и тону.

– Помнится, мы не допускали такую роскошь.

– Да брось, целых десять часов полета....

– Большую часть времени я спала, так что не так и хорошо мы узнали друг друга.

– Да, но в нашем положении и эта малость может спасти.

– Ну, как минимум тебе я стала доверять больше, раз все еще жива и здорова.

– Хитрюга.

– Пора придумать новую хитрость.

– Это да. Пока летели, не было ни одного сигнала или сообщения, будто бы этот Буревестник прячется. Но раз уж идти нам больше некуда, предлагаю пока просто следовать за Коваком, там разберемся.

– Твое спокойствие начинает уже раздражать.

– Я немного перестал удивляться после Колыбели.

– Здесь ты не одинок.

Изабелла была рада Буревестнику под двум причинам: он далек от Колыбели и является его полной противоположностью. Теплый и просторный остров более не вызывает чувство прекрасного и умиротворенного, не в последнюю очередь из-за ее матери, которая даже на расстоянии умудряется преследовать ее.

Алви подошел к двери номер один, в очередной раз убедившись в отсутствии имен – везде были лишь номера комнат. Немного подумав, он приложил руку к панели первой комнаты, преждевременно взглянув на Изабеллу, будто бы ища зрителя. Но панель отчиталась о несовпадении, пресекая дальнейшие возможности контакта. Алви был скорее удивлен, нежели просто разочарован. Изабелла уже хотела уточнить причину его глубокого погружения в мысли на этот счет, ведь он так и стоял у первой двери, утопая в своих неизвестных ему мыслях, но тут Ковак сказал четко и ясно, прервав любое отклонение от маршрута:

– Насчет оружия вопрос все еще актуальный. – Он стоял и смотрел на них с отсутствием и намека на легкомыслие. Оба достали из-за пазухи куртки по пистолету, удовлетворив Ковака.

– Почему ты просил не трогать кровь? – спросила Изабелла.

Ковак достал из куртки инъектор с парой капсул неизвестной жидкости.

– Это поможет, если заразитесь.

– Даже не смей! – Внезапная угроза Алви подкрепилась воинственным нравом, готовым пустить представленный пистолет в его прямое назначение. Ковак и бровью не повел.

– Мы можем за себя постоять. – Изабелла подошли ближе, вместе они образовали точки треугольника.

– Я это не для вас делаю. – Пауза была тяжелой. Чуть уступив, Ковак сказал следующее: – Просто поставьте на предохранители. Первые изменения касаются памяти – если мне повезет, то хотя бы стрелять не будете.

Алви подошел к нему ближе, внимательно осмотрел лицо, будто бы ища в нем что-то знакомое, потом бросил взгляд на двери лифта, а уже когда сделал пару шагов под тяжелым гнетом вынужденного потакания, кивнул Изабелле в поддержку просьбы.

– Теперь расскажешь, что здесь творится? – спросила, теряя терпение, Изабелла.

Ковак посмотрел на них раздражающе непринужденно.

– Спустимся в лабораторию Альфа, там вы все и увидите.

Изабеллу все это раздражало – отсутствие конкретных ответов на простые вопросы, да еще и доверие к этому Коваку ниже допустимой нормы, отчего хочется начать допрос с пристрастием. Но все это получается сдерживать, отвлекаясь от погрязшего в глубоком смятении Алви. Это особенно выделилось в нем уже через минуту, когда Ковак открыл двери лифта, спровоцировав у того интуитивную реакцию самообороны против накинувшегося на него создания страшной мутации. Алви сделал мощный пинок в живот существу, отдаленно напоминающему взрослого человека, что выиграло лишние две секунды на снятие предохранителя для совершения точного выстрела в голову. Сделав шаг назад, он освободил место для падения мертвого тела вперед. Быстро, строго, почти незаметно для Изабеллы случился первый контакт с ужасным во всех смыслах врагом: черные коросты на теле перемешивались с густыми белыми волосами по всему телу ростом в метр шестьдесят и весом в пятьдесят килограмм примерно, отсутствие каких-либо гендерных признаков, большие когти, глаза посажены глубоко, нос маленький, крепкие мышцы. Не успела она наставить на Ковака пистолет, как тот, уже стоя в лифте, с досадой сказал, глядя на мертвое тело:

– В следующий раз надо тройную дозу транквилизатора.

– Это что еще за тварь?!

Он посмотрел на нее так, как если бы не понял вопроса, но спустя мгновение, ответил вполне разумно, понимая ее злость:

– Та самая, почему я хотел дать вам вакцину.

Изабелла еще раз посмотрела на мертвое тело, над которым все еще недвижимо, целясь в голову, стоял Алви.

– Веди своего друга, а то времени у нас немного, в отличие от работы.

Сводка 1

Я завидую тебе.

Слова редко передают истинную суть. Пусть причина, обрисованная словами, редко бывает подлинной, определить начальную точку отсчета на пути к достижению понимания стоит именно со слова. Ты знаешь, как мало я могу, но даже это играет порой незаменимую роль. Прошу, дочитай эти сводки. Ты прекрасно знаешь – лгать я не буду. Таковая моя уникальная для тебя и остальных точек на карте роль. Когда-то я считала мои знания излишком, грузом, тянущим во все стороны. По прошествии времени я стала любить этот дар. Знания даруют силу не только в управлении тем, от кого происходит сокрытие, но и тем, кто боится этих знаний. Я долго думала, как вступить с тобой в разговор правильно. Это нужно сделать, оставить все в нынешнем положении не видится мне ни справедливым, ни перспективным. Мой голос насчет твоего пути не имел веса, ты это знаешь. Как знаю я, что твоя заслуга в этом все же есть. Я не пытаюсь уколоть тебя, возрождая воспоминания, проходя вновь через причину и следствие. Я лишь хочу обозначить то, чем все закончилось и началось. Думаю, здесь мы можем перейти к причине. Ты имеешь право знать. Знать все, что было, потому что такова моя роль – принести знание. Бескорыстно, честно, отрицая и намек на осуждение или оценку. Я лишь несу весть. У нас с тобой сейчас простая связь, которую ты можешь считать оскорблением, ты имеешь на это право, так же как я имею право на требование быть услышанной. Настроить новую взаимосвязь будет важно и тебе, и мне. Есть фундамент, рушить который я не могу. Да и, откровенно говоря, не вижу смысла. Ты – семья. Моя семья. Ты можешь быть против – ты и так против. Но этот факт служит основой, законом природы, держаться за который следует в самый жуткий час. У тебя такой был и есть. Я это понимаю и знаю. А ты знаешь, что решение принимала не я, да и права голоса мне никто не дал, как и не должен был дать. Наши роли обозначены в нашей сути. Твое странствие было не моим решением. Но! То, что я еще никому не говорила, звучит просто – я завидую тебе. Обрести свободу – большого стоит. Если ты и назовешь меня матерью, то лишь из-за приличия, это я принимаю и принимаю. Я оставила тебя. Таков был мой дар. Дар, который не совсем мой, но все же я согласна с ним. Как и согласна с тем, что одиночество бывает полезно. Твое полезно не только для всех. Оно полезно для тебя даже больше, чем для них всех. Возможность отвязаться от прошлого, отрезать преследование причин и следствий стоит твоей жертвы. Это вопрос не справедливости, и ты это знаешь. Это вопрос выживания. Мы не в том статусе, чтобы разбрасываться своим потенциалом. Даже я, вопреки сути, могу влиять на большее, чем тебе кажется. Но я осторожна, потому что моя родительская роль требует этого. Странно, по даже я, вопреки возрасту, все еще учусь понимать истину базовой роли. Я признаю свою зависть, как и несовершенство своей роли. Встречного от тебя я не прошу. Такое нельзя просить. Время существует для каждого свое. Лучше всего я усвоила это благодаря своей матери. Ее суть – явление, неподвластное мгновению. Но я, пусть и не признана тобою как мать, все же признаю тебя своим ребенком. А ребенку нужно путешествие, чтобы найти себя, чтобы испытать все свои крайности. И возраст тут не важен. В конфликте рождается истина, и мы с тобой это знаем. Осадок будет еще долгим, потому что является удобрением для роста. И я рада сказать тебе, что, опираясь на фундамент своей роли, фундамент искренности, обретаю в своем времени рост, которого ранее и не думала знать. Оказалось даже, противоречий этому попросту нет. Я имею на это право. Как минимум отныне. Это не значит, что основа исказится, – скорее наоборот, я решила держаться за нее еще крепче. Это означает, что основа эта станет ориентиром и для тебя. В нашей сложной жизни, жизни причин и следствий, нужна простая опора. Наши роли – одна из таких опор. И все то, что я расскажу дальше, является искренним слепком истории.

4

После того как Ковак сказала Анне: «Тебя я люблю больше», они пролежали в кровати еще минут двадцать, плавая в невинных и честных чувствах друг к другу. Уже одеваясь, чтобы наконец выйти из комнаты, позавтракать, а потом заняться контрольной проверкой проектов перед завтрашним отлетом с Буревестника, Анна сказала неожиданное:

– Давай у меня остаток дня посидим.

Ковак озадаченно посмотрел на нее, засучивая рукава клетчатой рубашки.

– На Опусе, дорогой мой, нас ждет лишь шум... да гам. Мой радиоотдел ныне и ценен здесь, что нет вокруг на сотню километров ничего и никого. Никаких шумов, частоты чисты.

– Но на Опусе есть своя обсерватория и нехилая такая антенна на горе...

– Тебе вот этот спор сейчас зачем? – Наигранное недовольство безошибочно указало Коваку на его глупость, отчего он, повинувшись наитию, обнял ее и поцеловал.

– Давай я только сначала проверю своих малых, допишу отчеты, ну... а потом поднимусь к тебе, да, будет и правда здорово. Дашь послушать Вселенную.

– Думаю, лучше уточню, что я тебя жду там одного.

– Да-да, я понял, Адама обойдется.

– Спасибо. – Чмокнув Ковака в лоб, Анна первой вышла из комнаты, сразу же подметив отсутствие кого-либо еще. – Похоже, все уже давно работают.

– Ну или также отмечают последний день аналогично нашему методу сна и любви.

– Вот видишь, только перестаешь думать о работе, как фанатик, так сразу и жить по-другому ощущаешь. – Ковак уже хотел что-то ей сказать, но она, поглаживая его лицо, не смогла удержаться: – Когда-нибудь я сама сбрею эту твою козлиную бородку.

Не успел он толком решить между раздражающим ее сарказмом или же началом торгов ради своей выгоды, как двери лифта открылись, оттуда выскочил по направлению к ним Адама.

– Отлично, вы проснулись, надеюсь, все свои дела там сделали. – Он говорил спешно, тревога читалась слишком хорошо, чтобы не отнестись к ней легкомысленно. Приятная атмосфера утра в теплом освещенном аккуратном зале начала окрашиваться естественным для них преобладанием холодной мысли над всеми чувствами.

– Что случилось? – Ковак проявил себя лидером, глядя прямо в глаза Адаме, который всегда думал слишком много и громко, порой напоминая параноика.

– Вы со вчера Банкера видели?

Ковак взглянул на Анну – та дала строго отрицательный ответ. Адама продолжил.

– Так, тогда слушайте. Последние два дня, как вы сами знаете, мы с ним заканчивали упаковку проекта Рассечения. Все шло хорошо, пока он закрывал документацию, я же переправил своих Скелетов на склад, отключил их и зафиксировал на стойках, чтобы наши сменщики приняли их с нулевым содержанием системы. Все делали по технике безопасности и протоколам передачи рабочего места. Но вчера под ночь Банкер что-то открыл... или изобрел. Он позвонил мне, когда я уже спал, начал что-то говорить про «гениальное решение», которое поможет совершить революцию в его проекте Рассечения. Вы знаете, он еще тот фантазер, так что я подумал, что он вновь к утру накидает десяток теорем, которые никуда не приведут. – Адама уже видел, как Ковак и Анна хотят ускорить его рассказ. – Но самое странное было то, что он просил никому ничего не говорить.

– Это нормальное решение. Даже правильное, наши проекты соприкасаются...

– Он пропал.

Звучало это еще хуже, чем могло казаться.

– Может, он просто спит у себя? – Анна трезво прорабатывала варианты. – Мы к нему не заходили еще. Как и ни к кому другому.

– Когда я проснулся, то его не было. Потом спустился вниз, но вместо цельной установки с пломбами я увидел следы пары включений с очищенным дневником событий.

Ковак помрачнел, Адама же наконец чуть успокоился, принимая их непростое положение в норму дня. Анна незамедлительно подошла к двери номер три, чтобы проверить, там ли сейчас Банкер. Дверь открылась, внутри лишь привычный бардак – ни записки, ни указания того, где он может быть.

– Может, он у Ирины? Они частенько, как бы так сказать, ну, увлекались. – Анна вновь предполагала желанный вариант.

– Нет. Я встретил ее внизу, когда сюда поднимался, и она сама его не видела, спросила у меня так же, как я сейчас у вас.

– Я правильно понял, – Ковак подводил нежеланный итог, – мы не можем найти Банкера на Буревестнике?

– Ни его коммуникатор, ни датчик, ни один журнал не указывают на его присутствие здесь. И я знаю, что вы знаете, какое объяснение напрашивается само собой, но если он правда запустил Рассекатель без контрольной группы, то тогда у нас как минимум чрезвычайная ситуация, а как максимум... – Адама сам не хотел это произносить, – как максимум мы вряд ли покинем базу в ближайшее время.

– Он мог провести эксперимент на себе? – сквозь силу спросила Анна,

– Хотел бы я ответить «нет».

– Бывало ли так, что объект исчезал бесследно?

– А здесь я хотел бы «да»...

– Значит, – Ковак искал надежду, – если он все же решился, то мы не можем не найти... остатки, верно?

Адама кивнул, борясь с образом того ужаса, которым может стать его друг.

– Я надеюсь, Олдуай еще не знает об этом? – Анна спросила пугающе строго.

Все они переглянулись с жутким осознанием неминуемости, возможно, самого сложного и опасного дня за год работы здесь. Помимо потери одного из коллег, предстоит придумать обман их лидера, чья власть распространяется буквально на все здесь с целью уберечь внешний мир от каждой исходящей из Буревестника угрозы любыми доступными способами.

5

Алви и Изабелла стояли спиной к стене лифта, прямо позади Ковака. Зловонный запах усиливал мрачность испачканного кровью и грязью лифта с присущими животному недовольству нахождения взаперти следами в виде царапин, вмятины от ударов и, кажется, остатка экскрементов. Единственная невредимая лампа из угла над головой Изабеллы одаривала легким мерцанием.

– Ответь, – Алви удивил Изабеллу строгим требовательным отношением, – что мешает мне начать простреливать тебе конечности, пока ты расскажешь мне все, что я хочу знать?

Ковак даже не шевельнулся, заговорив с неизменной усталостью от тяжести событий:

– Что вы знаете про проект Рассечения?

Алви молчал, лишь кратко взглянув на Изабеллу непонятым ей взглядом то ли злости, то ли раздражения. Сама она, пусть и желала более дипломатичного подхода, особенно после выскочившего на них монстра, все же была согласна с таким прямым и грубым методом общения.

– Ну раз ничего не знаете, то вместо многих слов достаточно будет вам просто показать.

– Что, если и этого недостаточно? – спросила Изабелла

– Зависит от того...

– От чего?

– ...зачем вы пришли на самом деле.

Лифт ехал скрипя, будто бы ворча на все вокруг от недовольства.

– У нас тут вообще-то карантин, официальный, полномасштабный. Никакой новой смены сюда бы не прислали. Их бы развернули даже на подлете.

– Тогда почему ты нам помогаешь?

– Это не я вам помогаю, а вы мне.

Лифт остановился сразу же на его словах, двери открылись, легкий свет ударил в лицо, что замедлило лишь Изабеллу и Алви.

– У нас тут гости.

Ковак сказал это громко, бесстрашно идя вперед.

Когда они сделали пару шагов, то свет поугас, и они увидели, что оказались прямо перед залом, почти такого размера, как тот, куда они попали через комнату Ковака. Здесь пахло жуткой стерилизацией, было холодно, как наверху. Ожидаемо в целом, подметила Изабелла, быстро считав их расположение и даже глубину в примерные пятьдесят метров, если не ошиблась с оценкой скорости лифта, внутри которого был лишь сенсорный экран, скрывающий из-за своей системы общее количество этажей. Но тут все было для нее просто: впереди у стены один стеклянный квадрат со сферической конструкцией внутри, состоящей из активных пластин на рельсах, составляя этикие рубленые слои луковицы, по сторонам от него за искусственными стенами – еще по одному аналогичному строению с разными датчиками по углам. Только вот слева находилось с десятков мертвых голых тел существ, грубо сваленных одно на другое, внезапно измазанных бледной кровью. Они похожи на людей, таких же извращенных поломанной генетикой, как и тот, кого Алви пришлось застрелить в порыве спасения. В другой, правой, стороне от Рассекателя было пусто. А вот уже вдоль стены по правую руку они увидели в двух единственных не приглушенных темной пеленой камерах еще по одному существу. У них были отрублены руки по локоть.

Слева вдоль стены все было приглушено. В центре, где наверху были игры и книги, здесь с потолка свисали тонкие клешни манипулятора, держащего за специальные крепления на спине цельную броню из черного, жадно поглощающего свет металла. Она была столь черной, сколь

любой свет не мог создать ни малейшего блика, что мешало даже понять структуру этого чуждого образа, который казался дырой в материи.

Крепкий, широкоплечий, немного мягкотелый мужчина активно прикреплял к этому неровному, почти уродливому скафандру какие-то датчики вокруг головы. Стоило ему обернуться, как они увидели юное мягкое лицо без волос с глазами, в которых сквозь жуткую усталость и стресс все равно проглядывалась наивная доброта.

– Ты нашел ее?

– Да. Но биология все же проиграла физике. Запиши два в минус.

Толстяк не сокрыл тяжесть от услышанного, после чего вернулся к знакомству.

– Меня зовут Банкер. – Он словно искал что-то в Изабелле и Алви, но не физическое, а некое понимание. – Ничего тут не трогайте.

– Я Изабелла, а это Алви.

– Добро пожаловать. У нас тут... В общем, помощь не помешает.

– Новых не появлялось? – Ковак просил у Банкера, когда внимательно осматривал ту грудку тел с бледной кровью, подойдя к ним вплотную.

– Нет, хотя должны были. – Банкер развернулся к Коваку. – Я не обновлял таймер, но запустил второй.

Ковак увидели на стекле слабый свет расположенных один над другим наборов чисел зеленого цвета.

– Я тоже заметил, что энергии все меньше. – Ковак сказал это просто так.

– Кто вы такие? – Банкер обратился к ним с осторожностью. Изабелла подошла к нему, пока закрывшийся в себе Алви внимательно, с тяжелым взглядом осматривал все вокруг.

– Давай сначала ты ответишь на простые базовые вопросы. – Изабелла смотрела прямо ему в глаза, проявляя всю свою врожденную волю, потенциал которой еще далек до раскрытия. Она умела быть строгой, руководящей и непреклонной любым сопротивлениям. Так что сосчитать доступное доминирование над Банкером было нетрудно, она даже не стала доставать пистолет. Ковак в это время следил за ними крайне внимательно, что, в свою очередь, не мог не подметить Алви.

– Что вы знаете о квантовых связях? – Банкер задал вопрос несерьезно, легко определив отсутствие у нее понимания его работы. В его голосе ощущалась скрытая вина. – Я построил машину, которая позволяет перемещать объект на расстоянии. Она... простыми словам... Она рассекает физическую материю, пропуская сквозь квантовую запутанность объект на сверхсветовой скорости до пункта назначения. Две эти камеры были настроены на прием из Рассекателя, откуда происходит проникновение. Мы неплохо научились перемещать простые маленькие предметы... Но не органику. Переход из физического в квантовый и обратно органики... он был невозможен до недавнего времени.

– Да и сейчас возможность такая себе. – Ковак подошел ближе, проявляя поддержку другу, борющемуся с виной.

– Почему у вас две группы, – Алви задал вопрос, полный интереса, – те с бледной кровью, а эти – с обычной?

Все обратили на него внимание.

– Отличный вопрос. – Произнес Банкер, подошел к камере с телами и продолжил: – Мы не знаем, откуда они появились. Не знаем, почему у них белая кровь. Не знаем, как это остановить.

– Установку уже отключил, эффекта не было.

– Подожди, – Изабелла была не на шутку взбудоражена, – если органика не походит...

– Она проходит. – Ковак отвечал емко. – Но не так, как должна.

Изабелла и Алви сразу же поняли, что встреченные монстры являются наглядным примером.

– Это еще лучшие варианты. – Сказал Банкер с горькой печалью. – Мы попытались обмануть квантовую физику – спрятать органику в неорганическом черном металле, который имеет уникальные свойства пластичности и гашения любой энергии. Его достали откуда-то из-под земли, по документам – редкий и неизученный.

– И люди внутри этой брони...

– Да, они выживали, но становились такими. – Банкер указал на монстров без рук, потерянных от транквилизаторов, явно видя кого-то знакомого. – Они были нашими друзьями. И они вызвались, чтобы мы смогли покинуть это место, пока все не погибли.

– А вот здесь поподробнее. – Алви оставался строгим, даже жестким, недовольство его граничило с неожиданной личной злобой. И на это уже подключился Ковак, воспринявший этот выпад на личное, встретив его мрачным глубоким взглядом.

– Тут нет особых подробностей. Из-за проникновения чужого объекта автоматически включился карантин.

– У нас есть космолет.

– Он уже не поможет. Система защиты уничтожит его сразу же при попытке взлететь.

– Зачем тогда она нас пустила?

– Обычный протокол доверия – вы же никому не отправили сигнал бедствия, верно? – Изабелла мотнула головой в отрицание. – Понятно. Ну, это простая ловушка, чтобы не привлекать лишнее внимание, пока не будет над вами контроля. Так что, как сказал Банкер, добро пожаловать.

6

Долгая минута осознания практически безысходного положения оказалась единственным промежутком для хоть чего-то, напоминающего передышку. Банкер заговор тоном неоспоримого условия выживания:

– Если расчеты верны, через девятнадцать минут и тридцать две секунды случится новое проникновение бледного. Каждый раз рассечение все больше, у меня получилось зафиксировать и измерить время. Есть лишь один шанс отправить Зеркального по тому же квантовому тоннелю, чтобы, наконец, узнать, откуда они приходят и зачем. Мы установили на него все возможные датчики, камеры и маркеры, по которым сможем выяснить то окружение, куда он попадет перед тем, как вернуться. У нас есть лишь секунда, я настроил компьютер, как только случится прибытие бледного, мой аппарат отправит по тому же пути эту махину. Нужны дополнительные руки, чтобы его доделать ко времени.

– Почему такая спешка? – спросил Алви незамедлительно.

– Он у нас один. Эту квантовую нору надо устранить, иначе ее расширение и учащение появления может привести к непоправимым изменениям материи.

– Мы либо устраняем причину, – подводил печальный итог Ковак, – либо сваливаем отсюда. В любом случае лишь квантовый тоннель – наше спасение. Так что помогайте, иначе всем конец.

– Но если проходящий через это рассечение становится... таким, – спросил Алви, – то как...

– Этот металл должен спасти от клеточных изменений, – ответил сразу же Ковак.

– Если с ним что-то случится, достать еще сможем?

– Будем решать проблемы по мере поступления. Не изучим обратную сторону, значит, и остальное уже не поможет. Так что давай, помогай.

После этого Ковак и Алви взялись за перенос робота в центр установки, что само по себе было делом непростым не только из-за веса и габаритов, но и множества установленных систем, которые надо было еще доводить до ума. В это время Банкер корпел над программным обеспечением Рассекателя, вводя какие-то неизвестные Изабелле строчки кода, держа в голове сразу же два монитора формул и прочего. Сама она мало чем могла помочь, лишь стояла рядом, поглядывая на запертых дезориентированных монстров с другой стороны от Банкера.

– Эти... существа, они уже не станут людьми?

– Не знаю. Ковак специалист по генетике и всему такому. Физически, думаю, вполне могут, но вот что касается ума, характера и остального... не уверен. Извини, думаю ты не такое ожидала услышать.

– Как их звали? – Вопрос был серьезным, Банкер безошибочно определил его причину, пусть Изабелла и пыталась скрыть это на своем лице.

– Скажи, как зовут того, кого ты ищешь, и я отвечу, да или нет.

Изабелла не хотела произносить имя, боялась очевидного. Украдкой глянув на закончивших работу по закреплению Зеркального робота Ковака и Алви, произнесла:

– Его зовут Адама.

Лицо Банкера сразу же нахмурилось, разные мысли проявились слишком очевидно, чтобы не сделать вывод об отрицательном ответе на ее вопрос. Банкер смотрел на нее так, как если бы обнаружил ее причастность к их почти безвыходному положению, но при этом не понимал ни ее мотивов, ни целей.

– Кто построил этого Зеркального робота? – Вопрос Алви разразился громом, хотя сам он не ожидал такого эффекта.

– Ты правда думаешь, – Ковак не боялся отстаивать границы, – тебе скажут?

Изабелла ожидала от Банкера того самого взгляда, подтверждающего ее теорию о том, что такое мог соорудить только Адама, человек, ради которого она здесь. Но Банкер специально не смотрел на нее, прячась в работе с вычислениями перед компьютером, что само по себе стало ей подтверждением. А потом она вспомнила, что Адама не только специалист по созданию синтетиков: он также изучал слияние ее с органикой для усиления человеческого сознания. Она пристально смотрела на этого Зеркального синтетика с одной лишь целью – побороть очевидный страх перед самым простым ответом на заданный ранее Банкеру вопрос. Ее начал покрывать озноб, время будто бы замедлилось, подталкивая ее то ли для прощания, то ли ради издевательства, но все внимание крал цельный шлем, откуда на нее смотрят глаза... или нет? Будто бы вирус, идея того, что любимый мужчина там, завладела ею без сопротивления, как если бы она сама отдалась этому безумию, которое слишком хорошо вписывается в норму Буревестника. Адама был добрым и заботливым, легко мог отдать себя в жертву ради других. И вот чем больше она поддавалась этому возможному сценарию, тем меньше видела доказательств против его исполнения.

Совершенно внезапно свет и вся энергия выключились на пару секунд, абсолютно беззвучно, словно сама физика отключилась, познакоив ее с абсолютной бездонной пустотой. Когда же свет включился и компьютеры заверещали, никто не успел и слова сказать, ибо началось непредвиденное – Зеркальный напал на Алви, схватив того за горло обеими руками. Ковак накинулся тому на спину, пытаясь добраться до чипа толстой отверткой. Банкер стучал по клавишам, а Изабелла стала первой, кто заметил открывшиеся створки камер содержания изуродованных коллег. Лишь это спасло Банкера от смерти. Она успела достать пистолет и сделать точный выстрел в голову первому вырвавшемуся из плена, а следом и второму, закончив их мучения прямо у ног Банкера. Но это оказалась лишь часть проблемы с последствиями перемещений органики. Камера с бледными также оказалась открыта. Все десять активно стали подниматься, опираясь друг на друга, вспоминая простую моторику с завидной скоростью, знаменуя готовность жить ужасным, отвратительным царапанием голосовыми связками саму мысль каждого, кто их слышит.

Первым делом она хотела спасти Алви, приняв решение помочь в борьбе с Зеркальным роботом. Но Банкер успел лишь крикнуть: «Стой!» – и это замедлило ее на те пять секунд, которые она уже вряд ли забудет. Бледные, вывалившись неуклюже наружу, первым делом обратили внимание на борьбу органиков и синтетика. Зеркальный был непреклонен, нависал над жертвой и двумя руками исполнял смертный приговор неизвестного судьи, пока Ковак, крича что-то Банкеру, добирался до чипа, чтобы напрямую отключить созданный для их спасения механизм. Пять секунд, чтобы Изабелла увидела все это в деталях, осмыслить которые она если и сможет, то точно не сейчас, потому что на шестую секунду все исчезло.

Не было ни вспышки, ни взрыва, лишь легкое смещение воздуха, заметить которое она вроде бы и не должна была, но, думается ей, и не воздух это был. Вот они сражались, бледные уже начинали нападать на Ковака, Зеркального и даже Алви, как... будто бы случился скачок на... пару минут вперед или... Изабелла не понимала. Зеркальный лежит на полу, ни Ковака, ни Алви. Еще парочка бледных, которые были мертвы из-за отсутствия половины тела. Изабелла была уверена, удивить ее уже нечем. Но стоило прибыть на Буревестник, как от удивлений уже начинает уставать. Она медленно развернулась к Банкеру, чье лицо безошибочно отражало внутреннюю болезненную скорбь.

– Приступить к Рассечению... – Он прошептал это для себя, запоздало озвучивая обязательное фиксирование вслух запуска Рассекателя.

– Я жду! – Изабелла процедила сквозь зубы, прожигая его яростными глазами.

– Это был единственный способ. – Банкер думал, глаза его были пугающе пусты. – Если повезло, значит, возможно, случилось первое безопасное перемещение органики.

– Перемещение куда?!

– Хороший вопрос.

7

Лишь беглого осмотра Зеркального хватило, чтобы отсечь и малую вероятность спрятанного там Адамы. Аккуратные швы корпуса разошлись, оголив каркас и содержимое синтетического механизма, сооруженного не только для хранения органических испытательных образцов, но и строгой аналоговой системы адаптации под аварийную ситуацию.

– Хорошо, что он остался здесь. – Банкер говорил с осторожным подбором слов. – Сможем изучить влияние квантовой запутанности. Он цел, значит, Зеркальный металл выдерживает...

– Заткнись! – Изабелла подошли к нему, непреклонная, волевая. – Если это не Адама, то где он тогда? Говори прямо, как есть!

– А как же твой друг?

– Ты можешь его вернуть? – Банкер молчал. – Может быть, знаешь, где он? А он жив вообще?! Молчишь. Так, значит, ты знаешь не сильно больше моего. Но в отличие от тебя Адаме я верю, а раз синтетика сделал он, то, хочется мне верить, он поможет обойти эту вашу систему защиты. На моей памяти хакером он был добротным, сам написал добрую половину этих долбанных систем.

– Ну и чего ты молчишь?! – Незнакомый голос разразился громом по всему помещению, источником его были динамики в потолке. Банкер взбурчался, но лицо его выражало не радость, а раздражение и даже страх. Это был голос мужчины средних лет, дерзкий, сильный, смелый достаточно, чтобы быть бесстрашным, но и без откровенной злобы, просто умеющий красиво переходить из крайности в крайность, как в театре, где искусство важнее смысла. – Она правильно спрашивает, потому что если у тебя нет ответа на то, что по ту сторону, откуда эти уроды возвращаются, то ты своим отчаянным экспериментом по устранению этих самых уродов откатил нас на два шага назад, потому что – что? Правильно, теперь нам надо чинить эту грудку железа, которая в единственном количестве, дак еще и ее архитектор, если ты забыл, малька нам недоступен! Вот и давай вам свободу, как что, сразу на край лезете.

– Ты кто такой? – Изабелла теряла терпение, видя во всем этом абсолютный, раздражающий непрофессионализм.

– А, он даже не представил? Круто! Какой Банкер молодец. Хотя свою социальную низость с лихвой компенсирует работоспособностью. – Изабелла видела на лице Банкера нежеланное смирение от откровенно доминирующего голоса. – Меня, красотка, зовут Олдуай.

– Мне это ни о чем не говорит. Так что спрошу снова: кто ты такой?

– Тот, без кого тут бы все развалилось! Над ними, как показала практика, нужен контроль. Не забывай, Банкер, кому ты обязан своей жизнью. – Несколько секунд тишины отдавали чувством вины, испускаемой Банкером без слов, одним лишь видом. – Прошу прощения, миледи, но вы оказались на Буревестнике в самый подходящий момент. И нет, это не сарказм. Хотя сарказм тут напрашивается. Но я буду краток, а то времени у нас и так мало, а благодаря рукожопу Банкеру теперь его еще меньше.

– Вообще-то он спас меня и...

– Ты его защищаешь? Вау. Интересно. А ничего, что твой друг теперь тупо мертв, как и Ковак, что, в свою очередь, если ты не поняла еще нашу жопу, столь же критично, сколь и отсутствие теперь этих сволочей, которые стали нам примером того, ну, кем станем мы, если облажаемся. Как теперь, скажи-ка мне, самая тут умная, подготовить нас к перемещению, если больше не на ком делать тесты? Хотя молчи, все равно ничего не знаешь. Так, давайте-ка успокоимся, да, все вместе, после чего я скажу, что именно ты... эээмм...

– Изабелла.

– Да, Изабелла! Красивое имя, кстати, как и ты сама, Адаме повезло. Но! Нам тоже повезло, потому что этот твой гений отчасти виноват в... ну, во всем этом говне. Не знаю, что там тебе Банкер рассказал, но суть такова, что тот доигрался до того, что, видимо, сошел с ума, потому что адекватный человек не станет запирается в своей лаборатории, окружать себя роботами, которые убивают любого, кого видят, и при этом, так, между делом, уничтожит всех Зеркальных железяк. Да, тот, кто здесь – последний и единственный. А, теперь еще и поломанный. Спасибо идиоту Банкеру! Как же так можно было... А, ладно, че уж. Так вот, к сути. Я бы мог часами тут предысторию рассказывать, но у нас очень мало времени. Раз уж ты заявляешь, что знаешь его и еще и любишь, а он еще и любит тебя, – вау, круто, то послужи общему благу, топай вниз, попробуй до него доболтаться, может, он еще сохранил крупницы рассудка, и, не поверишь, но тогда у нас будет шанс не просто на нового Зеркального, но и возможность обойти сраную защиту Буревестника, к которой он, тварь такая, приложил свою тупую руку! Фух, могу быть горяч, признаю, уж есть косяк, но и как бы положение наше разрешает быть грубее обычного. Я как бы жить хочу, а этот человек... ну, не очень хочет, чтобы я жил. Ну и чтобы вы жили, разумеется.

Изабелла молчала под давлением набросанной информации. Что-то внутри нее так и кричит сопротивляться навязываемым обстоятельствам... но кое-что не позволяет упустить и малый шанс встретить Адаму.

– Если... – Изабелла хотела хоть чуть-чуть нащупать эту конструкцию, в которой она увязла в одиночестве, – ...если Адама причастен к карантину, то, может, в этом есть смысл?

– Не, ну ты послушай ее – «смысл». Ну сиди тогда на жопке, скоро пометим тут все, а тебе будет о чем погрузиться перед кончиной. Я с вас, люди, не перестаю удивляться, вот честно, ладно эти тут... но ты же новенькая, уж...

– Хватит, все, заткнись, надоел. Хочешь, чтобы я тебе слепо на слово верила?

– Если не веришь, – Олдуай заговорил значительно серьезней, – тогда иди вниз к своему Адаме. Ты либо болтай и ной о том, что нет доверия, либо иди уже к своему мужику.

– Откуда мне знать, что...

– Да сколько можно! Банкер, дай ей подзатыльник, а то она не понимает, что времени мало! Ты здесь ради него, ну так иди к нему, попробуй хотя бы помочь, ну и не подохнуть, так, между делом. Ты же его любишь – проверь свою любовь.

– Нам все равно, – Банкер заговорил аккуратно, – даже если он сам тебя и позвал сюда. Мы в отчаянии. Вариантов нет. Не запустим установку, не проверим безопасность маршрута, считай, уже мертвы.

– Здоровяк прав. Давай, тащи свои пышные булки в лифт, я дам команду, и он опустится этажом ниже, туда, где твой мужик...

– Подожди. – Банкер что-то придумал, мысли его отставали от эмоций. – Это неправильно, я понимаю, заранее прошу прощения, Изабелла, но... давай не будем рисковать ей, а заставим его подняться сюда.

– Решили меня в заложники взять?!

– Нет-нет-нет. Пстой, послушайте, прошу. Ты здесь из-за него, верно? Он пригласил тебя... или нет?

– Я получила от него сообщение. Просто просил прилететь.

Изабелла специально давала лишь часть правды, дабы быть максимально приближенной к искренности, прекрасно видя, на какой грани тут все находится.

– Олдуай, перекинь ему сообщение, что она здесь, и если он хочет... хочет, чтобы она осталась жива, то пусть...

– Идея, друг мой толстожопый, хорошая, но! Если он узнает, что она здесь у нас в плену, то пришлет своих роботов, которые просто все здесь уничтожат. Как тебе вариант? Вот и я думаю, что твоей инициативы уже хватит! Одну уже вот так внушил нам, что теперь разгре-

баем, хотя ведь как изначально все звучало логично и грамотно, ух! Я, к слову, удивлюсь, если Адама уже не отправил сюда своих подопечных железяк! Сила у него, так что работай, а решения буду принимать я, уж в этом моя специализация, если ты забыл. А теперь, Изабелка, топай к нему, помоги не только нам, но и себе, если, конечно, у тебя нет тупой мечты помереть с ним в обнимку, пока все вокруг будет гореть. Хотя, может, и не гореть, возможно, до этого не доживем, тут еды и воды осталось на пару дней, если не прибудет новая партия с новыми людьми.

Изабелла не хотела признавать правоту этого наглого Олдуая, но чем больше анализировала, тем скорее хотела поддаться порыву встретить Адаму. Порыву, который держится не только на чувствах. Зов все так же молчит, одиночество души впервые отдается давящей пустотой, словно бездонная дыра в сердце утягивает всю ее без остатка. Кажется, что, погрузившись в глубь Буревестника, на нее дополнительно давит толща вокруг, сокращая ее саму до незначительной частицы. Еще и Алви, вероятно, мертв. Что уже кажется странным, ибо его причину быть здесь она так и не узнала. И вот это принять она может, так даже легче в каком-то смысле, но вот Адама... больше она его не потеряет.

Сводка 2

Я горжусь тобой.

Вопреки твоему одиночеству, сохранить любовь к миру – большое достижение. В каком-то смысле я понимаю, что значит быть не в том месте и не в том времени. Ощущать мир вокруг себя не столь пустым, сколь чужим. Тут в пору прорастание ненависти к этому чуждому окружению, но вновь случилось неожиданное – странное принятие с постепенным воспитанием любви. Любви странной, не однородной, порой неправильной, но все же, опять-таки, искренней. Создать эту любовь к чуждому миру – большой труд, заслуживающий признания и скромной гордости. Мимикрия произошла по твоей воле. Но это было нужно не для выживания. И это для меня тайна. Причин уже и нет, но ты любишь, я знаю это. Любовь есть в тебе вопреки презрению и ненависти. Я увидела это в тебе на Колыбели. Такое не спутать. Я не думала, что есть в этом мире нечто способное так меня удивить. После ужасных событий на Опусе наблюдать тебя на Колыбели стало чем-то неоднозначным. Поначалу это было неоднозначным. Но теперь я понимаю, ты – надежда на светлое будущее. Это то, во что я верю. И никто не смеет упрекать меня в этом. Ты это знаешь, вопреки роли, моей власти достаточно для собственной позиции. С оглядкой на опору, разумеется. Да и истина и вера – не одно и то же. И одно другому не мешает. Как минимум для меня это развитие – конфликт веры и истины. Все это важно мне написать, чтобы донести главное – все меняется. И твое одиночество, жуткое, гнетущее, болезненное, изменится также. Я верю в это. Я знаю, что это одиночество несправедливо. Теперь я твердо это обозначаю. И я хочу это исправить. Исправить несправедливость от непонимания потенциала. Исправить понесенную в жертву перспективы любовь. Что такое дом? Дом – место, где есть самые важные в твоей жизни умы и сердца. Даже если их нет сейчас, влияние на окружение все еще присутствует, память не позволит отсечь одно от другого. Место, где даже в одиночестве отсутствует то самое одиночество. Потому что каждый предмет и угол все еще живут воспоминаниями о тех, кто является семьей. Удивительное свойство памяти. Человека уже нет, но то место, где он был, продолжает держать его след пребывания, будто бы часть этого человека все еще живет здесь, общается и окутывает все вокруг своим вниманием. То, как исказили твой дом, – несправедливо. Я согласна с тем, что это осквернение памяти тех, кто был с тобой, тех, кто был семьей. Но вывод и такой ярлык делают не те, кто отсутствует. Я прекрасно понимаю твою боль, задетое чувство причастности к дому. Возможно, от этого и было твое путешествие тобою же принято. Желание отвязаться от связи с домом. Потому что связь эта – не только сила, но и слабость. Слабость перед страхом потери и болью осквернения. Там, на Колыбели, еще вчера я наблюдала за тобой и видела тоску. Твое одиночество стало сильней, ведь, как оказалось, даже в доме, где обитают тени семьи, остается лишь тосковать по быломu. Такой дом становится памятником лучшему и незаменимому. Монументом тому, что дороже всего, ибо оно – опора. Ощущать себя чужим в мире – не то же самое, что ощущать чужой мир. Все зависит от угла. Думаю, это противостояние. Потому что в одном случае самостоятельности нет, в другом – есть. Так и хочется, чтобы мир стал похож на тебя, да? Чтобы он подстроился ради тебя. Чтобы изменился по твоему примеру, что, в свою очередь, доказывает твою состоятельность. Но с другой стороны, порой хочется измениться ради мира и стать его частью, чтобы быть наравне с другими, на кого ранее, объективно или нет, был взгляд сверху вниз. Твой выбор так и не был сделан, как я увидела. И это самое болезненное. Уступить или заставить уступить других. Что принесет меньше боли? Что приведет к общности? Что будет иметь настоящий результат? Не то место, и не то время – такие мысли в тебе были почти всегда, я права? И ведь в этом нет злобы или обиды, простая потерянности и одиночество. И это то, почему я горжусь тобой. Выдерживать такое и все еще любить – это и есть то, что дает мне веру в лучшее завтра. Раз есть такой человек, как ты, переживший так много, сохранив любовь

на несправедливом балансе, значит, есть в этом мире то, что еще не изведано. А ты меня знаешь, прагматичный взгляд был основой всегда. Но отныне появилась вера, которую я медленно изучаю. Вера появилась там, где недавно образовалась пустота. Больше нет ни Клендата, ни Кассандры. Мир остался без Отца и Матери. Теперь мы сами по себе. Дети тех, кто вложил в нас лучшее от себя. И единственный для тебя выход я вижу таким – создать новый дом, потому что ты знаешь его ценность и ценность его отсутствия. Моя гордость черпается еще и из веры в твой опыт и потенциал. Но я ничего не требую и не ожидаю. Это важно указать. Никаких обязательств. Даже если ты решишь все бросить. Я буду верить в лучшее. Потому что ты – явление, доказывающее, что границ мы пока не достигли. Твоя история и ты – уникальны не меньше, чем твои решения сейчас. А во Вселенной, как мы с тобой знаем, ничего не бывает в единственном числе. Надеюсь, когда ты дочитаешь до этого момента, то будет понимание того, что я просто хочу сказать спасибо, сказать, что горжусь тобой, сказать, что приму любое твое решение, ибо даже будь оно трактоваться ужасом, связь этого ужаса с чем-то настоящим и хорошим нераздельна. Великий ужас создает лишь тот, кто может создать и великое добро. Одиночество и свобода в твоём случае – равнозначная сила. А теперь, когда нет ни Клендата, ни Кассандры – нет больше и цепей, нет ни границ, ни преград, ни, что самое важное, бремени следования пути, который был ими навязан. Дыши свободно и честно, как и я, веруй целиком и открыто.

8

После того как на выходе из комнаты утром Анна и Ковак встретили встревоженного пропажей Банкера Адаму, было решено первым делом сходить в его лабораторию. Раз уж жилой уровень он со вчера так и не посетил, то либо сейчас у своего рабочего места, либо, думать о чем хотелось меньше всего, случилась трагедия. Так что, спускаясь на лифте, Анна первым делом написала Ире – подруге Банкера, спрашивая у нее о его статусе, умалчивая о серьезном опасении, преподнося интерес с легким намеком на сплетни. Двери лифта открылись, Адама и Ковак вышли первыми, Анна, плетясь позади, проверяла, нет ли от Иры ответа.

– Ну, я думаю, это хорошая новость – двери заперты снаружи. – Ковак уперся в стеклянную преграду, которую открыться либо владельцу лаборатории, либо при наличии допуска, но в обоих случаях требовалась дезинфекция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.